

БОГОСЛОВИЕ ИОАННА ДАМАСКИНА В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКОВ XV в. И ФЛОРЕНТИЙСКАЯ УНИЯ

Сочинение Иоанна Дамаскина “Точное изложение православной веры”, известное в древнерусской книжности под названием “Небеса”, а в отечественной науке начиная с XIX в. под названием Богословие¹, было переведено с греческого языка на славянский выдающимся болгарским церковным деятелем и писателем Иоанном экзархом в первые десятилетия существования славянской письменности (до 893 г.)². Славянский книжник IX–X вв. перевел лишь часть труда Иоанна Дамаскина (48 глав из 100), именно в таком объеме Богословие было известно в Древней Руси. Более поздние переводы полного текста Богословия либо остались неизвестными древнерусским книжникам, либо получили весьма ограниченное распространение. Так, афонский перевод Богословия, выполненный сербским книжником в Великой лавре в первой половине XIV в., не известен в русских списках³; перевод князя Андрея Курбского, осуществленный им с латинского оригинала в XVI в., сохранился в 12 списках⁴. Перевод же IX в. был чрезвычайно востребован: к настоящему моменту выявлено около

¹ “Богословие” – жанровое определение, используемое в качестве названия для “Точного изложения православной веры” (“Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως”), одной из трех частей богословского компендиума Иоанна Дамаскина “Источник знания” (изд.: PG. 1864. Т. 94). Современные неславяноязычные исследователи предпочитают название “De fide orthodoxa”. Основные критические издания и исследования греческой рукописной традиции сочинений Иоанна Дамаскина были выполнены в XX в. под руководством Б. Коттера, см.: *Kotter B. Johannes von Damaskus // Theologische Realenzyklopädie. XVII. B., 1988. С. 127–132; Die Schriften des Johannes von Damaskos, besorgt von B. Kotter. Expositio fidei. Bd. II. В.; N.Y., 1973.*

² О датировке славянского перевода Богословия см.: *Георгиев Е.* Разцветът на българската литература в IX–X в. София, 1962. С. 207; *Трифонов Ю.* Иоанн Экзарх Български и неговото описание на човешкото тело / Български преглед. 1929. № 2. С. 165–202. Библиография работ, посвященных экзарху Иоанну и его переводу Богословия, полно представлена в работах: *Икономова Ж.* Иоанн Экзарх // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. София, 1995. С. 190–194; *Трендафилов Х.П.* “Богословие” Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси. Дисс. ... док. филолог. наук. М., 1994.

³ *Šafarik J.P.* Anzeiger-Blatt für Wissenschaft und Kunst: Übersicht über die vorzüglichsten Denkmäler älterer Zeiten bei den Serben und Südslaven // Jahrbücher der Literatur. N LIII. Wien, 1831. Издание перевода XIV в. и библиография работ о нем см. в кн.: *Weiherr E.* Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts / Hrsg. U.W. Weiherr. Bd. 1. Freiburg, 1987 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, XXV). (Далее: Вайер, 1987).

⁴ Об этом переводе, его списках и изданиях см.: *Оболенский М.* О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 12. С. 355–366; *Бодянский О.М., Попов А.Н.* “Богословие” св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского. М., 1878. С. 22–69; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный (теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 113–116. Изд. перевода А. Курбского: *Besters-Dilger J.* Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / Hrsg. U.W. Weiherr. Freiburg, 1995 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, XXXV).

80 древнерусских списков памятника⁵, самый ранний из которых датируется концом XII – началом XIII в. (ГИМ, Синод. 108)⁶. Сочинение Иоанна Дамаскина выполняло в Древней Руси функции учебника догматического богословия или катехизиса, так как других источников, в которых были бы систематически и последовательно изложены основы христианской веры (догматика), в древнерусской книжности не существовало вплоть до выхода катехизиса Петра Могилы в Москве в 1649 г.

В последние десятилетия интерес к переводу Иоанна экзарха возрастает, чему способствует его научное издание в серии Monumenta linguae slavicae, подготовленное австрийской исследовательницей Л. Садник⁷. Эта работа является единственной на сегодняшний день попыткой научного издания текста памятника. К сожалению, произвольный, неаргументированный выбор списков не позволил Л. Садник перейти к анализу разночтений и объяснить время и место произошедших с текстом изменений, а, как известно, без текстологического исследования невозможно представить историю средневекового памятника⁸. В итоге все исследователи славянского перевода Богословия IX в. не высказали даже предположений о возможности его редактирования древнерусскими книжниками, хотя материал издания Л. Садник дает для этого все основания. Из работы в работу повторяется тезис об устойчивости славянского текста Богословия, который русские книжники якобы “не осмеливались” править.

Знакомство de visu со всеми известными на сегодняшний день списками позволяет перейти непосредственно к их текстологическому анализу. Один из первых выводов при их сопоставлении: невозможно выделить этот памятник из ряда других переводных текстов, несмотря на специфику его содержания. Лишь отсутствие текстологического исследования привело к созданию мифа о “неприкосновенности” памятника и соответственно не позволило определить его роль в древнерусской книжной культуре. Содержание сочинения Иоанна Дамаскина, безусловно, вызывало трудности для восприятия в Древней Руси в силу объективных обстоятельств – отсутствия классического образования⁹ – но постепенное, с повышением уровня образованности и начитанности аудитории, обращавшейся к нему, а также по причине устаревания языка памятника (что приводило к затемнению его смысла),

⁵ Заслуга в выявлении значительного числа древнерусских списков Богословия принадлежит болгарскому исследователю Х.П. Трендафилову (“Богословие” Иоанна Дамаскина...). До этого исследования не было известно даже примерное количество сохранившихся списков Богословия. Так, в Кирилло-Мефодиевской энциклопедии говорится лишь о 20-ти древнерусских списках, см.: *Икономова Ж. Иоанн Экзарх*. С. 174.

⁶ Этот список впервые был введен в научный оборот К. Калайдовичем (Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824). Описание списка и библиографию работ о нем см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 162–163. № 141.

⁷ *Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus “Εἰς θεοῦς ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως” in der Übersetzung des Exarchen Johannes*. 1. Wiesbaden, 1967; 2. Freiburg i. Br., 1981; 3. Freiburg i. Br., 1983; 4. Freiburg i. Br., 1983 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, V, XIV, XVI, XVII). (Далее: Садник, MLS с номером тома).

⁸ О достоинствах и недостатках издания Л. Садник см. также: *Трендафилов Х.П. Переводы “Богословия” Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии // ТОДРЛ. Т. 50. 1997. С. 663–664.*

⁹ См. подробно об основных чертах богословия в Киевской Руси: *Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*. М., 1996. С. 433–440.

текст стал подвергаться правке, насыщаться невольными и преднамеренными интерпретациями. Началу этого процесса и посвящена данная работа.

Имеющие место различия между списками Богословия обусловлены, на наш взгляд, различными типами рецепции памятника в разные периоды. До XV в. преобладал пассивный уровень рецепции: Богословие достаточно точно копировалось с минимальными вмешательствами в язык и лексику. Цитирование в это время являлось редким исключением¹⁰. В XV в. картина существенно меняется. Если весь предшествующий период представлен только одним пергаменным списком Богословия ГИМ, Синод. 108, то XV в. представлен уже девятью (без учета списков с пространными списками из Богословия). Ниже приводим известные на сегодняшний день списки Богословия в переводе Иоанна экзарха в составе сборников, датируемых XV в.¹¹ (указываются также сочинения, составляющие ядро сборника): 1) РГБ, Тр.-Серг. 121 (Богословие + Толковый Апокалипсис + Исход), начало XV в.¹²; 2) Соф. 1285 (Богословие в составе Изборника с сочинениями домонгольского периода)¹³; 3) РНБ, Q.1.838 (Богословие + библейские книги: Царств и Эсфирь)¹⁴; 4) РГБ, Егор. 619 (Богословие + Шестоднев Иоанна экзарха + Толковый Апокалипсис)¹⁵; 5) РГБ, Гранк. 46 (Шестоднев Иоанна экзарха + Богословие+Диоптра Филиппа Пустынника)¹⁶; 6) РГБ, МДА, 145 (Богословие + Шестоднев Иоанна экзарха + “О письменах” Черногорца Храбра)¹⁷; 7) БАН. 17.16.14 (Богословие + Шестоднев Иоанна экзарха)¹⁸; 8) РГБ, Тр.-Серг. 176, (Богословие Иоанна Дамаскина + Житие И. Дамаскина + Послание И. Дамаскина Козме Маюмскому + Диалектика И. Дамаскина)¹⁹; 9) РГБ, Тр.-Серг. 177 (Богословие Иоанна Дамаскина + Житие И. Дамаскина + Послание И. Дамаскина Козме Маюмскому + Диалектика И. Дамаскина)²⁰.

¹⁰ Дословное воспроизведение фрагмента 40-й главы Богословия в “Сказании о чудесах Бориса и Глеба, нареченных в крещении Романом и Давидом” (XII в.), было выявлено А.В. Горским, К.И. Невоструевым (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Т. II. Ч. 2. М., 1859. С. 295–296).

¹¹ Рукописи с выписками из текста памятника не учитываются.

¹² Предварительный список славяно-русских книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. С. 82, № 353. (Далее: ПС XV). Здесь сборник датируется первой половиной XV в., но его можно датировать и ближе к началу XV в.: единственный водяной знак рукописи “Крыло” – типа Брике № 342 (1405 г.).

¹³ Дополнения к “Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР” (М., 1993). С. 75. № 3131; подробно о составе сборника см.: *Изергин В.* “Предъсловие покаянию” (Историко-литературный очерк) // ЖМНП. 1891. Ноябрь. СПб., 1891. С. 142–184, а также о сочинениях киевского митрополита Никифора (1104–1121) в составе РНБ, Соф. 1285 см.: “Чиста молитва твоя”. Поучение и послания древнерусским князьям киевского митрополита Никифора / Изд. подготовила Г.С. Баранкова. М., 2005. С. 54–55.

¹⁴ ПС XV. С. 88. № 449, первая половина XV в.

¹⁵ ПС XV. С. 217. № 2226, вторая половина XV в.

¹⁶ Рукопись не учтена в ПС XV.

¹⁷ ПС XV. С. 182. № 1759, первая половина XV в.

¹⁸ ПС XV. С. 75. № 271, 1486–1487 гг..

¹⁹ ПС XV. С. 187. № 1815, вторая половина XV в..

²⁰ ПС XV. С. 187. № 1816, вторая половина XV в. Рукописи Тр.-Серг. 176 и Тр.-Серг. 177 и некоторые статьи в их составе упомянуты: *Архангельский А.С.* К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888. С. 104–105; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 20.

Текстологическое сопоставление списков показало, что в XV в. появляется особая разновидность текста Богословия – яркий пример активной рецепции. Сочинение Иоанна Дамаскина в списках – РГБ, МДА 145, РГБ, Гранк. 46, РГБ, Тр.-Серг. 176, РГБ, Тр.-Серг. 177 – отличается от древнейшего вида текста памятника²¹ и свидетельствует о сознательном вмешательстве древнерусских книжников в его структуру и содержание. Конвой к этому тексту, впервые сформированный именно в указанных сборниках с определенными целями, становится стабильным для последующей традиции. Более того, как будет показано ниже, все четыре списка взаимосвязаны друг с другом и являются, скорее всего, этапами одной текстологической работы, цель которой возможно определить, привлекая к исследованию политический контекст XV в.

Самый ранний из названных четырех списков Богословия находится в составе конволюта МДА 145 и датируется серединой XV в. Этот список отличается прежде всего особые структурные черты, которые можно назвать инновациями создателя данного списка²². Копия с него – список Гранк. 46 (60-е годы XV в.).

К спискам МДА 145 и Гранк. 46 восходят два списка Богословия, представленные в сборниках из собрания Троице-Сергиевой лавры – № 176 и № 177. Как видно из приведенного выше их краткого содержания, оба сборника имеют почти идентичный состав, в который входят, помимо Богословия, ряд сочинений, связанных так или иначе с именем Иоанна Дамаскина. На состав Тр.-Серг. 176 специально обратил внимание Х. Трендафилов. По его мнению, «в рукописи 176 из собрания Троице-Сергиевой лавры зафиксирован древнейший русский корпус сочинений Иоанна Дамаскина, поскольку не только “Небеса”, но и Диалектика является одним из древнейших (если не древнейшим)²³ русским списком. Указанный корпус сочинений Дамаскина превалирует среди остальных подборок, включающих “Небеса”»²⁴. Группа списков, которую возглавляет Тр.-Серг. 176, – самая обширная по классификации Трендафилова: ее составляют 35 сборников, т.е. половина всех известных рукописей с текстом Богословия имеют состав, практически идентичный Тр.-Серг. 176. Особенности состава Тр.-Серг. 176 еще не были предметом специального исследования, как и многочисленные новаторства его составителя, основная часть которых еще даже не выявлена. Необходимы дополнительные доказательства для мнения Х. Трендафилова о конкретном месте создания сборника – Троице-Сергиевой лавре. Состав и оформление сборника Тр.-Серг. 176 требуют всестороннего анализа, по-

²¹ Вернее будет сказать, что древнейший текст известен в двух видах в XV в. 1-й вид, близкий к списку XII–XIII вв. (ГИМ, Синод. 108) – в списках РНБ, Соф. 1285; РНБ, Q.1.838; БАН. 17.16.14; 2-й вид – Тр.-Серг. 121; РГБ, Егор. 619. Далее шифры рукописей – без указания хранилищ.

²² Подробно об инновациях создателя этого списка см.: Сапожникова О.С. Редактирование текста Богословия Иоанна Дамаскина в XV в. (список РГБ, МДА 145) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы V Международной конференции 26–28 сентября 2006 г. Сергиев-Посад (в печати).

²³ В настоящий момент список Диалектики в Тр.-Серг. 176 не может считаться древнейшим списком, так как рукопись писца Олешки Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, Кир.-Бел 10/1087), также содержащая список Диалектики, датируется 40-ми годами XV в. Благодарю М.А. Шibaева, указавшего мне на писца этой рукописи.

²⁴ Трендафилов Х. “Богословие...” С. 239.

скольку, если согласиться с мнением Трендафилова, его создание является принципиальным пунктом в истории бытования памятника.

Рукопись Тр.-Серг. 176 всегда упоминается в научной литературе как сборник²⁵, но следует признать, что она состоит из двух частей, созданных с промежутком в несколько лет, поэтому ее необходимо рассматривать как конволют. Часть I – л. 1–179 об.; часть II – л. 180–224. Часть первая создана раньше, чем вторая. Листы 180–224 были присоединены к первой части уже после того, как был утерян ее последний лист. Рассмотрим подробно состав первой части Тр.-Серг. 176²⁶ (сочинения пронумерованы для удобства сравнения с аналогичным составом в рукописи Тр.-Серг. 177, см. об этом ниже).

№ 1. Житие Иоанна Дамаскина, память 4 декабря (л. 1);

№ 2. Грамматика (“Книга св. Иоанна Дамаскина философская о осмих частех слова” (л. 25);

№ 3. Послание Иоанна Дамаскина Козме Маюмскому (л. 32);

№ 4. Диалектика Иоанна Дамаскина (л. 36);

№ 5. Панегирик Иоанну Дамаскину “Источникъ поистиннѣ еси, ѡуѣ Іоаннѣ” (л. 89);

№ 6. Перифрастическое сочинение “Аще и в епистолии съ с(вя)тыи сице рече...” (л. 89);

№ 7. “Иоанна Дамаскина о божественном десягословии” (л. 89 об.);

№ 8. Пролог Иоанна экзарха к Богословию И. Дамаскина (л. 90);

№ 9. “Иоанна Дамаскина летописца по плоти великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа” (л. 92);

№ 10. Оглавление к Богословию Иоанна Дамаскина и 48 глав Богословия (л. 94);

№ 11. Пасхальный толковый канон “Канун на Пасху святому великому Воскресению Господу нашего Иисуса Христа, творение господина Иоанна Дамаскина” (л. 171);

№ 12. Азбучный акростих: “Азбука воскресения Христова”²⁷ (только первая часть азбучного акростиха, л. 179 об.).

Итак, эта часть рукописи представляет собой подборку сочинений, связанных с именем Иоанна Дамаскина и предваряемых его Житием. Большинство этих текстов появились в славянской книжности лишь в XIV в. благодаря южнославянским переводчикам, а с XV в. они попадают в древнерусскую книжность.

Самым значительным после Богословия сочинением в составе Тр.-Серг. 176 является Диалектика Иоанна Дамаскина, которая впервые была переведена, по мнению большинства исследователей, не позднее середины XIV в.

²⁵ Невозможно согласиться с датировкой Н.К. Гаврюшина, который датирует Тр.-Серг. 176 на основании анализа *всех* водяных знаков рукописи, не учитывая ее двусоставность (О ранних списках славяно-русской “Диалектики” // Записки ОР РГБ. М., 1986. Вып. 45. С. 279).

²⁶ В описании рукописей Троице-Сергиевой лавры, выполненного иер. Иларием и Арсением, названы не все сочинения в составе Тр.-Серг. 176 и 177, см: *Иларий, иером., Арсений, иером.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1. М., 1878. С. 158–160.

²⁷ См.: *Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф.* К изучению славянских азбучных стихов // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 27–28; издание: *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. № 3. С. 30–33.

на славянском юге²⁸. Это сочинение пользовалось огромной популярностью на Руси в XV–XVII вв., и известно в значительном количестве списков²⁹. Список Диалектики в Тр.-Серг. 176 является одним из старейших после списка 1440-х годов РНБ, Кир.-Бел. 10/1087 (писец Олешка). Текст Диалектики практически во всех славянских списках, начиная с самых ранних, сопровождается определенным конвоем: Посланием Иоанна Дамаскина Козме, епископу Маюмскому, грамматическим сочинением “О восьми частях слова” (или Грамматика), двумя небольшими анонимными сочинениями (молитвой Иоанну Дамаскину и перифрастическим сочинением на тему его Послания Козме Маюмскому)³⁰. Вопрос о том, один ли сербский книжник перевел весь этот комплекс, остается открытым.

В состав “дамаскинской” подборки в Тр.-Серг. 176 вошел весь названный комплекс философско-богословских сочинений, переведенных в XIV в.: Грамматика + Послание + Диалектика + два анонимных сочинения. Комплекс был дополнен рядом других памятников, посвященных или приписываемых Иоанну Дамаскину. Сборник начинается с Жития Иоанна Дамаскина. Житие было переведено на славянском юге, по-видимому, во время, близкое переводам Диалектики и Богословия (середина – вторая половина XIV в.). Самый ранний его славянский список сербского извода находится в составе конволюта XIV–XV вв. библиотеки афонского Хиландарского монастыря. Список Жития датируется последней четвертью XIV в.³¹ Древнерусские списки Жития византийского богослова датируются не ранее середины XV в. Текстологическое сопоставление Жития в Тр.-Серг. 176 и в Минеях XV в. показывает, что их тексты имеют минимальные разночтения. Очевидно, что источником для составителя сборника послужил минейный текст.

Помимо известных в южнославянских переводах текстов, связанных с именем Иоанна Дамаскина, русский книжник добавил в свой сборник дополнительные статьи. Прежде всего, это статья “Иоанна Дамаскина летописца по плоти великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа”, напоминающая текст хронографического жанра³². Вторая дополнительная статья, поме-

²⁸ См. об этом переводе, его издание и библиографию: *Weier E.* Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirshenslavischer. Wiesbaden, 1969 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. T. VIII). (Далее: Вайер, 1969). Старейшие сербские списки датируются серединой – второй половиной XIV в. (РНБ, Гильф. 84; Музей сербской православной книги, Крушед. № 176). Самый ранний древнерусский список Диалектики известен с 1414 г. Сам список 1414 г. не сохранился, но в приписке к тексту Диалектики ГИМ Барс. 90 (80-е годы XV в.) говорится, что он был переписан с протографа 1414 г., см.: *Гаврюшин Н.К.* О ранних списках... С. 282.

²⁹ См.: Вайер, 1969. S. XIII–XLIV; *Гаврюшин Н.К.* Вопросно-ответная редакция “Диалектики” // Записки ОР ГБЛ. М., 1986. Т. 46. С. 250–256; *Он же.* Митрополит Даниил – редактор “Диалектики” // ТОДРЛ. 1988. Т. 41.

³⁰ Этот состав очень устойчив; только в самом раннем списке по причине механических утрат отсутствуют Послание Козме Маюмскому, заглавие и начало текста Диалектики, текст “О восьми частях слова” представлен фрагментарно. В Крушед. 176 отсутствует только “О восьми частях слова”.

³¹ *Bogdanović D.* Каталог кирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 177 (Собр. кирил. рукоп. № 462).

³² Этот же текст с атрибуцией Дамаскину мог переписываться в русской традиции и вне контекста сочинений Иоанна Дамаскина, например, в сборнике писца Олешки РНБ, Кир.-Бел. 10/1087 (л. 185 об.), в сборнике Ефросина РНБ, Кир.-Бел. 22/1099 (л. 35 об.), сборнике ГИМ, Синод. 316 (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей... Т. II. Ч. 3. С. 581). По-видимому, авторство этого текста – апокрифическое: он не числится в самом полном на сегодняшний день перечне трудов Иоанна Дамаскина (см.: *Clavis Patrum Graecorum / Cura et studio Mavritii Geerard. T. III.* Brepolis; Turnhout, 1979. С. 511).

щенная в троицкую подборку, – небольшой текст под заголовком “iŭa Дамаскина о вѣтвѣ десятигловѣи”. Это несколько измененная выписка из книги Исход (20:1–17) с текстом десяти заповедей, данных Богом Моисею. Этот же текст, без атрибуции Иоанну Дамаскину, известен уже в Изборнике 1073 г. (ГИМ, Син.1043, л. 251–252).

Сочинение, заключающее “дамаскинскую” подборку в Тр.-Серг. 176, – толковый канон на Пасху, который атрибутируется здесь Иоанну Дамаскину: “канѡ на па стоѣм вѣкомъ. воскресенію гѣ нашего іса хѣ творенію гѣа іѡанна дамаскина” (л. 171). В действительности он является автором Пасхального канона, но толкования на этот канон принадлежат перу Георгия, архиепископа Коринфского (ок. 1150 г.)³³, имя которого в заглавии не указано. Поскольку исследования, посвященного текстологии славянского перевода этого канона с толкованием пока не осуществлено, невозможно точно сказать, когда он был переведен с греческого, но, по-видимому, его происхождение достаточно позднее, не ранее XIV в., так как в списках XI–XIII вв. он не известен. Появление толкового канона в древнерусских рукописях XV в., вероятно, следует связывать со вторым южнославянским влиянием.

Итак, сборник Тр.-Серг. 176 представляет собой тематическую подборку из 11 текстов, посвященных Иоанну Дамаскину, из которых семь буквально только что проникли в древнерусскую письменность из южнославянской. Начинается эта подборка с Жития Иоанна Дамаскина. Русский книжник XV в. впервые в славянских культурах поставил перед собой задачу собрать воедино все известные на тот момент сочинения Иоанна Дамаскина небогослужебного жанра вместе с текстами, ему посвященными. Можно предположить, что переписчик-составитель руководствовался принципами составления определенного типа сборников, в которые входили сочинения отцов Церкви, предваряемых их Житиями. Появление этих сборников на Руси обусловлено притоком в XV в. новых южнославянских переводов и редакций. Это, например: Слова постнические Василия Великого, предваряемые его Житием (в сербском переводе XIV в.)³⁴, Лествица Иоанна Синайского, предваряемая его Житием (в сербском переводе XIV в.)³⁵. Однако сборников сочинений Иоанна Дамаскина, подобных Тр.-Серг. 176, в южнославянской традиции вплоть до XVI в. неизвестно.

Соединение Диалектики и Богословия русским книжником в рамках единой тематической подборки – очень важный этап рецепции наследия византийского автора в Древней Руси. Оба сочинения, как известно, входят в богословский компендиум “Источник знания”, и Диалектика в нем играет вводное значение. По замыслу Иоанна Дамаскина, Диалектика (или “Фило-

³³ См.: *Филарет, арх. (Гумилевский)*. Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви. Тр.-Серг., 1995 (ротапринт). С. 206; *Allatius L. De Georgiis // Bibliothecae graecae*. Vol. X / Ed. Jo.A. Fabricius. Hamburgi, 1721. P. 798–805.

³⁴ О рукописях с текстом Жития и сочинений Василия Великого в сербском переводе XIV в. см.: *Иванова К.* Български, срѣбски и молдо-влахийски кирилски рѣкописи в сбирката на М.П. Погодин. София, 1981. С. 333–337.

³⁵ Особенно многочисленны в древнерусской традиции списки Лествицы Иоанна Синайского в новом, сербском переводе XIV в., ср. их соотношение со списками раннего перевода: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в. Вып. 1. М., 2002. С. 520–551. № 358–383.

софские главы”) посвящена объяснению философских терминов, использующихся в богословских трудах отцов Церкви. Иными словами, Диалектика – это понятийный ключ к богословским категориям и понятиям, в которых излагаются все основные догматы православной веры, в том числе и в Богословии самого Иоанна Дамаскина. Книжник, который предпринял это соединение, хорошо был осведомлен о функции Диалектики по отношению к Богословию и поставил себе задачу исправить существующий со времен Иоанна экзарха пробел: предоставил возможность русскому читателю ознакомиться и понять терминологию Богословия, предварив ее Диалектикой.

Итак, славянский книжник собрал для своего сборника переведенные в XIV в. на славянском юге сочинения, связанные с именем Иоанна Дамаскина, но не имел в своем распоряжении списка нового перевода полного текста Богословия, выполненного на Афоне. На то, что древнерусским книжникам остался не известен полный перевод Богословия XIV в. исследователи указывали неоднократно: русских списков этого перевода не выявлено. Однако внимание исследователей не заострялось на том, что в собрании Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне находится сербский патристический сборник XIV в., в составе которого содержится выписка из полного перевода Богословия объемом в одну главу (глава 21)³⁶. Связи между афонскими монастырями, полиэтническими по своему составу, были весьма тесными, а циркулирование текстов, идей между представителями разных национальностей, а тем более между славянами – оживленными. Русские книжники наверняка были знакомы с полным переводом текста Богословия, однако, получается, проигнорировали его. Этот феномен требует отдельного исследования, сейчас же можно предложить следующие наблюдения. Если обратиться к тексту Богословия в Тр.-Серг. 176, который никогда еще не был предметом специального текстологического исследования, то можно заметить, что первый этап приведения текста в порядок, начатый в списке МДА 145 (удаление лакун, сопоставление лексики)³⁷, был в указанном троицком списке продолжен, и характер этой правки свидетельствует о прочном знании книжником-составителем лексики южнославянских переводов XIV в., а возможно даже, и текста полного перевода Богословия. Ниже, в таблице, мы приводим некоторые чтения списка Тр.-Серг. 176, которые для наглядности помещены в средней колонке, между переводом IX в. и переводом XIV в.³⁸

Сербский перевод Богословия в XIV в. был выполнен на основе новых переводческих принципов. Методы перевода и редактирования XIV в. на славянском юге и Афоне, основной задачей которых было стремление к наиболее точному воспроизведению оригинала на всех уровнях текста (гречизация), в настоящее время хорошо изучены лингвистами на примере конкретных памятников: передача славянскими эквивалентами морфемного состава греческих слов, проявление категории одушевленности в парадигме склонений существительных, перевод греческих артиклей относительным

³⁶ *Tachiaos A.-E.N.* The Slavonic Manuscripts of Saint Panteleimon Monastery (Rossikon) on Mount Athos. Thessaloniki; Los Angeles, 1981.

³⁷ Подробно см.: *Сапожникова О.С.* Редактирование текста Богословия...

³⁸ Через косую черту указаны разночтения по другим спискам, которые приводятся в издании Е. Вайера и Л. Садник.

Таблица

Перевод Иоанна Экзарха (Садник, MLS)	Тр.-Серг. 176	Сербский перевод XIV в. (MLS, XXV)
MLS V, 92 Я отъ единства оупоставльма <u>раздѣль</u> тьвѣни	л. 101 Я Ѡ единства <u>сзставѡ оупоставемъ раздѣленіе</u> точни.	с. 122 Ѡ еѡинскаго же, еже по <u>сзставоухъ раздѣленіе</u> тьвѣни
MLS V, 94 Новъ: <u>дхъ</u> бжѣни <u>сзтвори</u> ма, дшѣство же всего сдрьжитела оуѣа ма (Иов 33:4)	л. 101 Н ншвз: <u>дхъ</u> бжѣни <u>сзтворнѣѣи</u> ма. <u>дхъ</u> сзтаніе же всего здрьжитела оуѣа ма	с. 123 Н ѡвъ, <u>дхъ</u> бжѣтвѣнъ <u>сзтворнѣи</u> / <u>сзтворнѣѣи</u> ме <u>дхъ</u> сзтаніе же вседрьжитела сдрьжешек ме
MLS V, с. 186 <u>Нимже</u> <u>многочувствѣ</u> о бозѣ ...обрѣтакмъ главо	к. 110 об. <u>Понеже</u> <u>множанш</u> ѡ бзѣ ...обрѣтакмъ главо	с. 141 Понеже <u>множанша</u> ѡ бзѣ...рѣнна <u>верѣтакмъ</u>
MLS V, с. 188 Просто бо кѣтъ бжѣство и <u>безъ</u> <u>верѣзда</u> .	л. 111 Просто бо и бжѣтво и <u>безъ</u> <u>верѣздо</u>	с. 142 Просто бо бжѣтво и <u>безъ</u> <u>верѣздо</u>
MLS XIV, с. 144 Н Ѡ насъ <u>прѣдѣствомъ</u> <u>нашоу</u> <u>преслоухоу</u> <u>цѣла</u> и <u>пѡдѣсанне</u> <u>послоушани</u> <u>намъ</u> бѣвѣзъ, егоже <u>внѣ</u> <u>сѣци</u> <u>нѣсѣтъ</u> <u>спѣа</u> <u>полоуѣити</u>	л. 142 Н Ѡ насъ <u>прѣдѣтелъ</u> . <u>наше</u> <u>преслаушаніе</u> <u>цѣла</u> и <u>пѡдѣсанне</u> . <u>послаушаніе</u> <u>намъ</u> бѣвѣзъ, егоже <u>внѣ</u> <u>сѣци</u> нѣ <u>спѣеніа</u> <u>полоуѣити</u>	с. 239 Н ѡ на <u>прѣдѣтѣкмъ</u> . <u>наше</u> <u>прѣслаушаніе</u> <u>исцѣла</u> к. и <u>пѡдѣсаніе</u> <u>послаушани</u> <u>намъ</u> бѣвѣзъ, егоже <u>кромѣ</u> нѣ <u>спѣенна</u> <u>полоуѣити</u> .
MLS XVI, с. 2 <u>Дшѣвнѣи</u> <u>члвкъ</u> не <u>принимѣтъ</u> <u>доуховнаго</u> <u>дшѣвно</u> бо к то кѣтъ <u>вѣдѣнне</u> и бѣговьскок	л. 147 Я <u>дшѣвнѣи</u> <u>члвкъ</u> не <u>принимѣтъ</u> <u>дхъ</u> <u>овнаго</u> <u>дшѣвно</u> бо то ѣ <u>вѣдѣнне</u> бѣговьскок	с. 349–350 <u>Дшѣвнѣи</u> <u>члвкъ</u> не <u>принимѣкѣтъ</u> <u>иже</u> <u>дхъ</u> <u>дшѣвна</u> же <u>кѣ</u> <u>мѣтѣл</u> <u>сма</u> и бѣговьска
MLS XVI, с. 78 <u>Что</u> ли <u>всѣ</u> <u>нѣа</u> не <u>сѣмъ</u> ли <u>днѣи</u> <u>бжѣни</u> <u>кѣвѡтъ</u> <u>оношаше</u> <u>норнѣска</u> / <u>нѣрнѣска</u> <u>стѣнѣи</u> <u>оношашоу</u> / <u>оношашоу</u>	<u>Что</u> же <u>всѣ</u> <u>нѣа</u> не <u>зъ</u> <u>бжѣни</u> <u>днѣи</u> <u>бжѣни</u> <u>кѣвѡтъ</u> <u>оношаше</u> <u>нѣрнѣска</u> <u>стѣнѣи</u> <u>оношашоу</u>	С. 391 <u>Что</u> же <u>всѣ</u> <u>нѣа</u> не <u>сѣд</u> <u>мъ</u> / <u>зъ</u> ли <u>днѣи</u> <u>бжѣни</u> <u>кѣвѡтъ</u> <u>оношаше</u> . <u>нѣрнѣска</u> <u>стѣнѣи</u> / <u>стѣнѣи</u> <u>оношашоу</u>

местоимением *иже* перед именной группой, замена лексики ранних переводов на более современную и т.д.³⁹ Как можно убедиться из содержания таблицы, редактирование, предпринятое троицким книжником в тексте Богословия Тр.-Серг. 176, коснулось в основном лексики. Складывается впечатление, что он прекрасно владел лексикой новых переводов и правил текст, сообразуясь со своим знанием, а не сверяясь с греческим оригиналом. О том, что он не был знаком с оригиналом, свидетельствует отсутствие исправлений ошибок и темных мест славянского перевода. Возможно, этот книжник был знаком с полным переводом Богословия XIV в., но не имел перед собой его текста и правил, например, по памяти достаточно распространенную лексику: “дыхание” вместо “душество”, “душевный” вместо “душный”, “преслушание” вместо “преслух”, труба “ерихонская” вместо “иеришьская”, “забвение” вместо “забыт”, “рождение” вместо “рожество”.

³⁹ См. о степени изученности этого вопроса и библиографию по нему в главе “Южнославянские переводы XIV–XV вв.” в кн.: Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 185–191.

С другой стороны, обращает на себя внимание малое число исправлений богословской терминологии (выше приведен пример словообразовательно-го различия: “без образа” – “безобразен”), а ведь переводы XIV–XV вв. очень существенно изменили устаревшую богословскую терминологию Иоанна экзарха. Например, в переводе Иоанна экзарха читается: *не въ оуставѣ* (ἀόριστος); *неизвратънъ* (ἀτρέπτος), а в переводе Богословия XIV в.: *неуставънъ*; *непреложень*. По предварительным наблюдениям, последовательное исправление в Тр.-Серг. 176 коснулось лишь немногих терминов, прежде всего термина “ипостась” и производных от него: “ипостасно”, “воипостасный”. “Ипостась”, *ὑπόστασις* – многозначное слово, известное еще по памятникам античности в значении “утверждение”, “обоснование”, встречается многократно в новозаветных книгах и Септуагинте, у богословов раннего христианства Татиана и Оригена. Отцы Церкви III–IV вв. применили это понятие для характеристики лиц Св. Троицы, тем самым заложив основу учения о Боге, Едином по существу и Троичном в ипостасях⁴⁰. Первые славянские переводчики передавали *ὑπόστασις* в славянской транслитерации как *супостась*. Горский и Невоструев обратили внимание, что Иоанн экзарх переводит термин *ὑπόστασις* двумя способами. Если речь идет о лицах Св. Троицы, то болгарский книжник использует транслитерацию: *едино цръство въ трѣхъ свършенѣхъ оупостасѣхъ* (*ὑποστάσεις*); слово *въоупостасно* (*λόγος ἐνυπόστατος*). Когда же речь идет о предметах, явлениях, вещах, Иоанн экзарх переводит *ὑπόστασις* как *съставъ*: *не имать (свѣтъ) своего състава* (в греческом здесь читается *ὑπόστασιν*). См. в одном предложении два типа перевода: *нъ свѣтъ не свои съставъ кромѣ огна имать· а сынъ свършена оупостаси есть отъчи* (в обоих случаях в греческом тексте употреблено *ὑπόστασις*)⁴¹.

В XIV в. *ὑπόστασις* переводится, причем практически повсеместно, независимо от значения, калькой “съставъ”⁴². Русский книжник вписывает в текст Богословия Тр.-Серг. 176 одновременно оба варианта перевода (!), отчего текст практически каждой главы Богословия приобрел странный вид: *ѿ ѿ единства съставѣ оупостасемъ раздѣленіе точни, Не отъ иного бо есть емоу съставу оупостаси ѿ бытне* (см. в таблице выше). Попытаемся дать объяснение этому факту. Как уже говорилось выше, неизвестный редактор-составитель Тр.-Серг. 176 хорошо понимал предназначение Диалектики как предварительного введения в терминологию Богословия. Одному из главных и наиболее трудных для понимания догматов христианства – триипостасности Бога – посвящено несколько глав Богословия: основная – “О Св. Троице”, а также главы “О божественном соединении и разделении” и “Свойства божественной природы”.

Ознакомившись с текстом Диалектики в переводе XIV в. и переписав его, троицкий книжник не мог не заметить различие терминов, обозначаю-

⁴⁰ *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxf., 2005. P. 1454–1461. Об этапах использования и наполнения смыслом отцами Церкви понятия “ипостась” кратко изложено архимандритом Киприаном (Керном) в кн.: Золотой век Святоотеческой письменности. М., 1996. С. 43–45.

⁴¹ *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей... Т. II. Ч. 2. С. 300.

⁴² Например, И. Карачорова приводит обширный список лексических отличий Афонской редакции от старого текста Псалтири, где отмечает ту же самую лексическую правку: “ипостась” заменяется на “съставъ” (*Карачорова И.* Редакции древнеболгарского текста Псалтири языковым данным // *Polata Knigopisnaja: An Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Texts and Literatures.* Vol. 14–15 (Dec. 1985). P. 26–38).

щих одно и то же понятие, с одной стороны – “состав” (в Диалектике), с другой стороны – “ипостась” (в Богословии). Ср., например, текст одной из глав Диалектики в переводе XIV в. “Ш съставѣ, съставнѣ и несъставнѣмъ”: “а еже въ сѣбѣ съставъ негѣкомок назнаменуеуть и шлоучител’нок лице”⁴³ и текст Богословия в переводе IX в.: “а сынъ съвршенъ оупостаси естъ отъчю, не штъзлоученъ оупостаси...” (глава о Св. Троице)⁴⁴. По-видимому, определив несоответствие между терминологией Иоанна экзарха и терминологией, встречающейся в тексте Диалектики (а также и в новых афонских и южнославянских переводах), и не смея уничтожить в тексте Богословия хорошо известный и издревле используемый, в том числе и в богослужебной практике термин оупостаси, редактор принял оригинальное решение: к старому термину он приписал новый, и таким образом достиг некоторого компромисса или согласования между терминологией Диалектики и Богословия.

Характерно для Тр.-Серг. 176 и исправление лексики с корнем -мощь- на синонимичную с корнем -сил-, например, в главе 1 Богословия: “Противу мощи нашей” заменено на “противу силы нашей” (Тр.-Серг, 176, л. 95). Иоанн экзарх в IX в. перевел одно из определений божественных качеств лавт-одѹваѹс как “всемоушнъ” (такое чтение дают обе древнейшие разновидности текста Богословия). К XV в. употребительной стала лексема “всесилен”, поэтому в некоторых случаях, как и в случае с съставом/ипостасью, книжник-редактор, работавший над Тр.-Серг. 176, опять-таки вписывает оба варианта перевода. Например, в главе 8 “О Святой Троице” читается следующее: “бъ съ шцель и шномъ сын... творитель всему держитель все твор и всемоушнъ моушнъ” (л. 106). В переводах XIV в. лавт-одѹваѹс передается именно как “всесилен”, например, см. тот же фрагмент в афонском переводе Богословия: “ба съ шцель и шномъ соуца... вседръжител’на, вседѣтел’на, всемоушна...”⁴⁵.

Новаторства книжника или книжников, работавших над сборником Тр.-Серг. 176, не ограничились оригинальной тематической подборкой и редактированием лексики Богословия. Ими были предприняты такие шаги по атрибуции и наименованию сочинений, которые впоследствии поставят в тупик не одно поколение исследователей нового времени. Как известно, для Богословия Иоанна Дамаскина в древнерусской традиции существовало устойчивое название, повсеместно распространенное, употреблявшееся и в монастырских книжных описях, и в цитировании текста Богословия книжниками – это название “Небеса”. Горский и Невоструев дали остроумное объяснение этимологии этого названия, отсутствующего в других национальных традициях. Согласно их наблюдениям, «это наименование заимствовано из Жития пр. Иоанна, составленного Иоанном, патриархом Иерусалимским⁴⁶, который пишет в заключительной части сначала о гимнографическом наследии Иоанна Дамаскина “Свѣтлаа торжества празѹникомъ словеса изложнѹ”, а затем – о богословском: “...И шценноу книгоу и блгоначертанноу скрижалъ, тако да сице рекоу, начертавъ, всемъ премудрым же и невѣжамъ не мало оутѣшеніе и дверь вхюда таже къ бгословію танныствоу, и нныхъ догма истинныа вѣры, и соуцаго во истинноу ѹмнаго и чивьственаго сокращеннаго бговидѣнїа и разоума, иже азъ небса нарекоу, такоже

⁴³ Цит. по: Вайер, 1969. S. 96.

⁴⁴ Цит. по: Садник. Т. V. S. 136.

⁴⁵ Вайер, 1987. S. 132.

⁴⁶ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей... Т. II. Ч. 2. С. 295.

ЗВЕЗДАМИ ПРЕМУДРЫМИ НАКАЗАНЫМИ, И ЕСТЕСТВЕННЫМИ ЖЕ И ПИСАТЕЛЬНЫМИ, ЗЕЛО ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОСВЕТЛЕМО⁴⁷. Горский и Невоструев не ставили себе задачу выяснить, когда и кто мог “придумать” такое название для Богословия. Теперь можно их логическую догадку подтвердить и уточнить: согласно нашим наблюдениям над списками, впервые название “Небеса” было употреблено либо составителем сборника Тр.-Серг. 176, либо составителем сборника 177. В тексте Тр.-Серг. 176 в заголовке киноварью написано слово “небеса”: “Оказаніе главам в книгѣ глѣмен небса ѡ вѣѣ ѣ ѡ іѡа” (л. 94, запись киноварью – подч.). Вслед за этим сборником был создан сборник Тр.-Серг. 177 (о нем ниже), в котором “Небеса” читается уже в тексте заголовка ко всему сочинению. Начиная с этих рукописей, все списки Богословия, к ним восходящие, имеют это название, а поскольку этот тип сборников стал наиболее распространенным, то распространенным на Руси стало и название “Небеса”.

До сих пор остается загадочным происхождение грамматического сочинения “О восьми частях слова” (принятое для него научное название – Грамматика). В русской рукописной традиции Грамматика приписывается Иоанну Дамаскину. Впервые поставили под сомнение эту атрибуцию Горский и Невоструев. И действительно, грамматическое сочинение не обнаружено до сих пор среди творческого наследия византийского богослова⁴⁸. Тогда почему же все-таки русские книжники настойчиво приписывали ему авторство этого сочинения? Поскольку текстологическое исследование списков Грамматики еще не осуществлено, то не является установленным факт, когда же именно Грамматика стала приписываться Иоанну Дамаскину. В самом старшем списке Гильф. 84 заголовок сочинения не сохранился, зато во всех списках XV в., к нему восходящих, читается “Осьмь честию слова”. И только две рукописи XV в. Тр.-Серг. 176 и Тр.-Серг. 177, по нашим наблюдениям, содержат другой заголовок: “Книга Иоанна Дамаскина Филозофскаа о осмихъ частехъ слова”⁴⁹. Список Грамматики Тр.-Серг. 176 (60-е–70-е годы XV в.) – самый первый список, в котором появляется атрибуция Иоанну Дамаскину. Более того, возможно даже объяснить, почему это произошло, воспользовавшись “подсказкой” Горского и Невоструева, которые обратили внимание на влияние текста Жития Иоанна Дамаскина на книжника, назвавшего Богословие “Небесами”. В Житии говорится о тех науках, которые постигли благодаря своему учителю, монаху-христианину, Иоанн и его нареченный брат Козма, будущий епископ Маюмский: “Вице скоростіи естества и тишанія трудоуиъ в малѣ времени собралъ снмъ всепотщательное оучительствъ, елико грамотикинскаго, елико вѣдвателнаго. Я еже во вѣбчанъ ликомудрїи не оумъ точїи просвѣтиша ради нже въ семъ оученїи,

⁴⁷ Цит. по: ВМЧ. 4 декабря. Стб. 135.

⁴⁸ *Калайдович К.* Иоанн ексарх Болгарский. С. 74, 167–173; *Дудић Н.* Старине Хиландарске // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1884. С. 78–85; *Ягич И.В.* Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1896. С. 38–77.

⁴⁹ Ж.Л. Левшина привела примеры заголовков к этому сочинению в самых ранних списках. Согласно ее выводу, Грамматика озаглавливалась в XV в. как «Осьмь честию слова» или «О восьми частях слова», атрибуция же Иоанну Дамаскину этого сочинения произошла лишь на рубеже XV–XVI вв. – однако исследовательница не учла списки Тр.-Серг. 176 и 177, см.: *Левшина Ж.Л.* Славянское грамматическое сочинение «О восьми частях слова» (археологический обзор) // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 66–78.

но и *дѣшевное смущеніе гзырмаша*” (ВМЧ. 1–4 дек. Стб. 115)⁵⁰. Среди наук, освоенных ревностными учениками, перечисляется “граматикийское” знание, а далее говорится о назначении любомудрия. Любомудрие – это калька с греческого *φιλοσοφία*, что было хорошо известно древнерусским книжникам, более того, в оригинале в данном фрагменте говорится именно о философии: *ἡθικῆ φιλοσοφίᾳ* (нравственной философией/любомудрием). Употребление рядом “граматикийского” знания и “любомудрия” могло навести книжника на мысль о принадлежности и Грамматики перу Дамаскина, и “атрибутирования ее как книги философской. Кроме того, как внимательный читатель троицкий книжник не мог не обратить внимание на то, что в Диалектике Иоанна Дамаскина ряд глав посвящены исключительно языковым аспектам (это главы “Об омонимах”, “О синонимах”, “О полионимах”, “О паронимах”⁵¹ и т.д.), а также неоднократно упоминается наука граматикія и производные от этого слова – граматикъ и граматичьнь. Например, в главе “О паронимах” Иоанн Дамаскин рассуждает о значении слова граматикія и о происхождении от него слова граматикъ: *граматикія разоуми ѿ, граматикъ же соущество, въ немъ же разоуми*”⁵² и т.д. В XV в. на Руси слово граматика не получило еще распространение в значении “наука о языке”, слово употреблялось в оригинальных древнерусских сочинениях прежде всего в значении “искусство читать и писать, грамота”⁵³. Поэтому троицкий книжник не назвал сочинение “О восьми частях слова” Грамматикой (как на это указывало, казалось бы, Житие Иоанна Дамаскина), но, увидев связь между его содержанием и содержанием Диалектики, приписал последнее авторству Дамаскина.

Из работы в работу, касающихся Диалектики и Грамматики, переходит ошибочное мнение о появлении определения “философская” для Грамматики под влиянием заголовка Диалектики (по мнению Гаврюшина, по принципу “регрессивной ассимиляции”), которая переписывалась вместе с Грамматикой и якобы называлась “Философскими главами”. Но дело в том, что “философскими главами” Диалектика могла называться в греческой традиции (при этом – нерегулярно), в славянской же традиции для этого сочине-

⁵⁰ Ср. современный перевод: “Так, благодаря превосходству их дарований и ревности, они в короткое время овладели всем труднейшим знанием, как *грамматикой, так диалектикой и искусством доказательств*. В нравственной же *философии* они успели настолько, что не только украсили свой ум ее излучением, но и смирили душевные страсти” (Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Т. I. СПб., 1913. С. 29). Перечисление в Житии наук, освоенных Иоанном Дамаскиным в детстве, – это известное с античности представление о необходимых составляющих образования – тривиуме (грамматика, риторика и философия (о варьировании составляющих, например, вместо философия могла называться этика или диалектика, см.: *Lemerle P. Byzantine Humanism. The First Phase. Notes and Remarks on Education and Culture in Byzantium from Its Origins to the 10th Century. Canberra, 1986. P. 113*).

⁵¹ В славянском переводе XIV в. названия этих глав выглядят следующим образом: *ѡ вькоупь мненниѡхъ, ѡ сьмненниѡхъ, ѡ многомненниѡхъ ѡ ѿ-ниѡхъ-мненниѡхъ* (Вайер, 1969. S. XLVI, см. также в Тр.-Серг. 176, л. 61 об.-63).

⁵² Вайер, 1969. S. 128.

⁵³ Только в переводных памятниках наука “грамматика” упоминается как часть тривиума в значении “наука о языке”, в сочинениях же, описывающих древнерусский быт и реалии, в этом значении слово не употреблялось, вероятно, до XVII в., см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. II. М., 1989. С. 384; *Словарь русского языка. XI–XVII вв.* Вып. 4 (Г–Д). М., 1977. С. 118–119.

ния Иоанна Дамаскина специального заголовка *не существовало* очень долго. Возможно даже, что Послание Иоанна Дамаскина Козме Маюмскому и Диалектика воспринимались как единое сочинение, во всяком случае между их текстами не было разделяющего заголовка или подзаголовка.

Изучая сборник Тр.-Серг. 176, невозможно не отметить удивительную осведомленность, внимательность, инициативность его составителя, предпринявшего ряд нововведений, благодаря которым древнерусский читатель мог ознакомиться с подборкой сочинений Иоанна Дамаскина, и прежде всего с наиглавнейшими из них – Диалектикой и Богословием, на страницах которых византийский богослов изложил основы православной веры. Если подвести итоги работы этого книжника, то получится следующее:

Впервые был создан сборник сочинений Иоанна Дамаскина, ядром которого является главный догматический труд византийского автора – “Точное изложение православной веры” (Богословие). Две взаимосвязанные части “Источника знания” – Диалектика и Богословие – “встретились”, наконец, в древнерусской культуре. И это немаловажный факт, так как Диалектика была задумана Иоанном Дамаскиным как “ключ” к терминологии “Точного изложения православной веры”.

Была предпринята попытка редактирования текста перевода IX в. в соответствии с терминологией Диалектики (XIV в.) и вообще в соответствии с лексикой новых южнославянских переводов и редакций.

Впервые в славянской традиции Житие Иоанна Дамаскина помещено в контекст его сочинений или даже в качестве исторического введения и источника сведений об их авторе.

Богословие впервые названо “Небесами” под влиянием текста Жития Иоанна Дамаскина, созданного Иоанном Меркуропулом, патриархом Иерусалимским.

Грамматика здесь впервые приписана Иоанну Дамаскину и названа “книгой философской” под влиянием текстов Диалектики и Жития Иоанна Дамаскина.

Все эти новаторства неизвестного книжника навсегда вошли в древнерусский книжный фонд, сборники идентичного состава тиражировались вплоть до XVIII в. Фигура составителя Тр.-Серг. 176 заслуживает пристального внимания исследователей: в его распоряжении были списки переведенных на славянском юге сочинений Иоанна Дамаскина, он подготовил из них подборку, позволил себе выполнить ряд атрибуций и был, скорее всего, осведомлен о полном переводе Богословия, выполненном в XIV в., или даже был знаком в какой-то мере и с греческой рукописной традицией.

Сборник, созданный вслед за Тр.-Серг. 176 и практически идентичного с ним состава, – это Тр.-Серг. 177. Содержание сборника впервые было приведено в Описании рукописей Троице-Сергиевой лавры⁵⁴. Подробное кодикологическое исследование Тр.-Серг. 177 было выполнено А.И. Плигузовым⁵⁵, который выделил в этой рукописи (имеющей признаки конволюта) из разрозненных за годы бытования тетрадей и сшитых впоследствии не в

⁵⁴ *Иларий, иером., Арсений, иером.* Описание... С. 89, 159–160.

⁵⁵ *Плигузов А.И.* Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1987. С. 571–584.

первоначальном порядке сборник, имеющий прямое отношение к настоящему исследованию.

Рассмотрим подробно состав блока, выделенного Плигузовым. При перечислении статей указывается соответствие статей с составом в Тр.-Серг. 176, если таковое имеется:

№ 1. Грамматика Псевдо-Дамаскина (л. 41–49, см. № 2 в Тр.-Серг. 176);

№ 2. Послание Иоанна Дамаскина Козме Маюмскому (л. 49–51 об., см. № 3 в Тр.-Серг. 176);

№ 3. Диалектика Иоанна Дамаскина (тетради были разделены и перепутаны, в настоящее время текст читается на л. 51 об. – 80, л. 113–150, см. № 4 в Тр.-Серг. 176);

№ 4. Молитва Иоанну Дамаскину “Источник поистинне еси, отче Иоанне” (текст читается дважды: л. 80 и л. 150 об., см. № 5 в Тр.-Серг. 176);

№ 5. Перифрастическое сочинение “Аще и в епистолии съ с(вя)тыи сице рече...” (л. 150 об., см. № 6 в Тр.-Серг. 176);

№ 6. Иоанна Дамаскина о божественном десятословии (л. 150–151, см. № 7 в Тр.-Серг. 176);

№ 7. Пролог Иоанна экзарха (л. 151–153 об., см. № 8 в Тр.-Серг. 176);

№ 9. Иоанна Дамаскина летописца по плоти великого Бога нашего Иисуса Христа: “Родина оубо гѣ ншъ тѣ хъ” (л. 154–155 об., см. № 9 в Тр.-Серг. 176);

№ 10. Оглавление к Богословию (л. 155 об.–157) и 48 глав (л. 157–252 об., см. № 10 в Тр.-Серг. 176);

№ 11. Житие Иоанна Дамаскина (л. 80–108 об., см. № 1 в Тр.-Серг. 176);

№ 12. Окружное послание 1443 г. патриархов александрийского, антиохийского, иерусалимского с осуждением патриарха-униата Митрофана Кизичского⁵⁶ (л. 108 об. – 111 об.);

№ 13. Исповедание Марка Эфесского 1444 г.⁵⁷ (111 об.–112 об., окончание на л. 274);

№ 14. Сборник ханских ярлыков⁵⁸ (л. 274–280 об.);

№ 14. Михаил Синкелл “О ересях латинских” (280 об.–285 об.).

Очевидно, что тематическое ядро, состоящее из сочинений, связанных с именем Иоанна Дамаскина, – общее для Тр.-Серг. 176 и Тр.-Серг. 177. В Тр.-Серг. 177 отсутствует лишь толковый Пасхальный канон Воскресению Георгия Коринфского. Сам факт существования двух практически идентичных составов примечателен, как примечательна и сама подборка. Сборник Тр.-Серг. 177 можно принять за почти точную копию

⁵⁶ О вопросах датировки и издание текста см.: *Яцимирский А.И.* Из истории славянской проповеди в Молдавии // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1906. С. LXV, 75–83. Текст Послания также был издан: *Плигузов А.И.* От Флорентийской унии к автокефалии русской церкви // Harvard Ukrainian Studies. Камень краеуглынь. Rhetoric of the Medieval Slavic World Essays Presented to Edward L. Keenan on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students. Vol. XIX. 1995. С. 529–530; *Ломизе Е.М.* Письменные источники сведений о Флорентийской унии на Московской Руси в середине XV в. // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 69–85.

⁵⁷ Текст издан по этому списку, см.: *Ломизе Е.М.* Письменные источники сведений... С. 84–85. По мнению Е.М. Ломизе, в Тр.-Серг. 177 находится самый полный текст Завещания Марка Эфесского, содержащий в том числе и фрагмент, утерянный в греческой рукописной традиции.

⁵⁸ Библиография и все издания коллекций ханских ярлыков приведены в исследовании: *Плигузов А.И.* Древнейший список... С. 571–572.

Тр.-Серг. 176, но на самом деле это не так. Поскольку текстологическое сопоставление списков никогда прежде не проводилось, то оставался до сих пор неизвестным факт, что при внешнем подобии составов названные сборники *существенно различаются* текстами Богословия.

Как уже говорилось, книжник, работавший над Тр.-Серг. 176 предпринял некоторые шаги по редактированию языка памятника, а его последователь творчески воспринял и развил эти методы работы. Правка, сделанная книжником Тр.-Серг. 177 настолько грандиозна, что ее итогом стала практически полная замена почти всей древнеболгарской лексики современной. Изменения коснулись и других аспектов языка перевода Иоанна экзарха. Ниже приводим некоторые лексические, словообразовательные, морфологические различия между текстом Богословия в Тр.-Серг. 177 и древнейшим видом текста этого памятника.

1. Разнотчения грамматического характера (проявление категории одушевленности в парадигме склонений существительных):

Греческий текст	Древнейший вид текста (Синод. 108, Тр.-Серг. 121)	Тр.-Серг. 177
Πιστεύομεν τοιγαροῦν εἰς ἕνα θεόν Εἰς ἕνα πατέρα	Вѣроуемъ оубо въ єдинъ бѣ Въ єдинъ оцѣ	Вѣроуемъ оубо въ єдиногѣ бѣга Во єдиногѣ оцѣ

2. Разнотчения лексического характера:

Греческий текст	Древнейший вид текста (Синод. 108, Тр.-Серг.121)	Тр.-Серг. 177
συντηρητικὴν εἰκόνα τροπὴ τῇ χάριτι σύμφυσις Τὴν πάντων ἀρχὴν ἄβρευστος Ἰουδαῖοι Ἑπόστασις Μονογενής Πρὸς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας Δίχα συναλοιφῆς πονηρία Διαφέρει σταυρὸς ἀτρεπτὸς Πῶς ἀβρόχοις ποσὶ ὁ ἱερεὺς ποιμῆνης Θεῖα Γραφὴ μάρτυς ἀναλλοιώτου ἱερεὺς	снѣдѣтелѣ Нкоуноу нзвратъ Даромъ Нзмоуѣтъ всемоу начатъкъ безъ истока Жидове Оупостаъ Єдиночдын/ на свѣтъ оубѣдѣньн бѣ Безъ смаза Злоба болѣствоуѣтъ крѣстъ Нензвратънъ немоченѣма ногама Чнститель Пастоуѣн Свѣта писаніѣ послѣушьствѣуѣтъ Безъ вѣда чнститель	хранителѣ пѣѣе превращеніѣ Дарованнемъ Смоушеніѣ всемоу начало безъ сътоцаніѣ ноуден сѣставъ єдинородънн на свѣтъ разоуѣма бжѣѣ Безъ смазаніѣ лоукавство нцѣлметъ крѣстъ Непреложѣнъ немокрыма ногама Свѣтителѣ Пастыѣне божествѣна писаніѣ свѣдѣтельствѣуѣтъ вѣстрѣѣна свѣтъ

Διὰ τοῦτο μακαριότητος ὁμόφυλον Κἂν... κἂν πολυτρόπως	Того дѣльма (Принимѣтъ) бл҃гынн единоколѣньны днво... днво многочѣскын	Того ради (Принимѣтъ) бл҃тъ веродны Нлн... нлн днвообразнѣ

3. Разнотчения морфологического характера:

Ἰάσατο αὐτούς Ἔσονται σοι κινεῖσθαι Μετὰ ταῦτα	Цѣли л Будити ти Преобразитица си Потомъ	Ицѣли нхъ Будити тебѣ Преобразити сѧ По сѧ

4. Различия в словообразовании:

ἀχωρίστως ἀνελλιπής Ἄλαθές καὶ ἀσώματον ἐκτὸς συνδυασμοῦ Ἄχρονος ὢν καὶ ἄναρχος ἀόριστος ἀγέννητος ἰάσατο αὐτούς πᾶς ὁ ἀπτόμενος νεκροῦ σχέσις	безъ отлученнн Безъ скнудства, безъ оскнудѣнн Безъ вреда и безъ пѣзти, вѣне же сзкнупа Безъ лѣта сѧ и безъ начатка Не вѣ нстѣвѣ Безъ рожства / родства Цѣли л Всѧкъ мѣртвѣмъ сѧ прикосъ днелство	неразлучно Неоскнуднъ Безѣт ртнъ, бесплотенъ Безъсзвзкнупленнѧ Бездѣтенъ сѧ и безначаленъ Неустановнъ нерожѣ Ицѣли нхъ Всѧкъ мѣртвѣ прикоснувннсѧ днеленне

Лексика перевода IX в. была существенно изменена, и в данном случае вполне закономерно предположить знакомство переписчика с греческим текстом, особенно красноречиво об этом свидетельствуют примеры воспроизведения морфемного состава греческого слова (неоскуден, неуставен). Но этому, казалось бы, очевидному выводу противоречат следующие факты: 1) не были исправлены ошибки, которые при наличии греческого текста легко могли быть устранены; 2) не были исправлены темные места, содержащие слова-гапаксы, вызывавшие во все периоды затруднения при переписке; 3) не были восполнены пропущенные Иоанном экзархом фрагменты Богословия и не были изъяты его интерполяции.

Для объяснения правки текста в Тр.-Серг. 177 опять-таки следует привлечь текст Диалектики в переводе XIV в. Составитель Тр.-Серг. 177 еще более усовершенствовал правку Богословия, творчески восприняв опыт предыдущего переписчика. Он уже практически полностью “настроил” лексику и терминологию Богословия в согласии с текстом Диалектики: приведенная выше лексика в списке Тр.-Серг. 177 находит почти полное соответствие со славянским текстом Диалектики. “Единородный”, “состав”, “неоскуден”, “неуставен”, “святитель” и т.д. – вся эта терминология была известна переписчику Тр.-Серг. 177 прежде всего из Диалектики, которую он же сам и переписал перед текстом Богословия. В отличие от своего предшественника он уже не вписывал одновременно

два разных перевода одной лексемы (см. выше “ипостась”-“состав”), а смело и последовательно ее изменял.

Итак, можно сказать, что текст Богословия Иоанна Дамаскина в переводе IX в. был *переписан*, но не в смысле “скопирован”, а в смысле “изменен” от первой главы до последней, и правке, которую можно назвать кардинальной, подверглись лексический, синтаксический и грамматический слои языка памятника. Целенаправленно, последовательно, без допущения лексических дублетов текст был совершенно изменен. Отсутствие дублетных форм говорит об особом контроле, в условиях которого работал книжник: в тексте отсутствует практически вся древнеболгарская лексика, характерная для сочинений Иоанна экзарха, и при ее изменении книжник не допускал случайного вкрапления устаревших форм. Например, лексема, известная в ранних славянских списках Евангелий, восходящих к переводам Константина и Мефодия, – “иночадый” (или более позднее – “единочадый”) везде последовательно заменяется на “едиnorodный”, и переписчик ни разу не сбивается на старую форму. При замене “пастухи” на “пастыри” переписчик опять-таки не сбивается на старую форму и т.д. Такой вид работы требует большого опыта и грамотности, так как в ряде случаев при замене лексики требовалось внимательно следить за соблюдением согласования форм. Так, при замене слова женского рода “ипостась” на слово мужского рода “состав” необходимо было изменять и другие части речи для соблюдения согласования.

Еще Горский и Невоструев выделили слой слов-гапаксов, а также характерной преимущественно для Иоанна экзарха терминологии, которая не получила распространения в книжности. Кроме того, существенный пласт в произведениях Иоанна экзарха занимала лексика, характерная вообще для преславских писателей: царя Симеона, Константина Преславского, Чернорица Храбра, она стала предметом исследований специалистов по Шестодневу, Изборнику 1073 г., Патерику Римскому, Евангелию Константина Преславского и т.д. В тексте Богословия в Тр.-Серг. 177 эта лексика, практически в полном объеме, *отсутствует*. Как теперь следует описать текст, читающийся в этой рукописи? Его уже невозможно назвать переводом Иоанна экзарха, мы имеем дело с *русской редакцией* этого перевода. Ее цель очевидна – привести лексику старого перевода в соответствие с лексикой более современных и более распространенных в XV в. южнославянских переводов и редакций. Как уже неоднократно указывалось многими исследователями, Иоанн экзарх зачастую цитировал Священное Писание в собственном переводе. В тех случаях, когда он не располагал переводами Константина и Мефодия (а скорее всего, в его распоряжении был только перевод Евангелия и Псалтири), он вынужден был самостоятельно переводить с греческого⁵⁹. Его переводы (небольшие цитаты из библейских книг) в большинстве случаев так сильно расходились с теми же фрагментами из распространенных

⁵⁹ Сравнение цитат Священного Писания в сочинениях Иоанна Дамаскина и древнейших переводах было предпринято В. Вондраком, см.: *Vondrak V. O mluvě Jana exarcha Bulharského. Praha, 1896*. К выводу о малом знакомстве Иоанна экзарха с переводами славянских первоучителей Кирилла и Мефодия пришел в том числе и И.В. Ягич: “приводя евангельскую притчу о талантах он (Иоанн экзарх. – О.С.), по-видимому, не имел даже под рукою обыкновенного славянского перевода или же не утвердил его настолько в своей памяти, чтобы передача евангельских слов точно совпала с нашими древнейшими текстами” (*Ягич И.В. Рассуждения... С. 36*).

для внесения таких существенных изменений в текст было, как уже говорилось, несоответствие лексики Богословия и Диалектики, и над этим задумался уже тот книжник, который работал над Тр.-Серг. 176. Последовавшее затем столь обширное редактирование текста в Тр.-Серг. 177 перешагнуло рамки узкой задачи и переросло в задачу просветительскую – адаптивное редактирование текста, передача перевода IX в. современной лексикой и терминологией.

Сборник Тр.-Серг. 177 достаточно часто упоминается в научной литературе и хорошо известен прежде всего историкам. В нем читается самый ранний список ханских ярлыков – иммунитетных грамот, выданных золотоордынскими ханами русскому духовенству (изучением текста ярлыков по Троицкому списку занимались А.А. Зимин⁶⁰, А.И. Плигузов, востоковед А.П. Григорьев⁶¹). В этом же сборнике находится и самый ранний список Окружного послания 1443 г. трех вселенских патриархов с их отзывом на Флорентийскую унию и с объявлением о низложении константинопольского патриарха Митрофана за измену православию по решению собора в Иерусалиме⁶², здесь же находится самый ранний и самый полный список Завещания (или Исповедания веры) выдающегося деятеля византийской культуры XV в., противника Унии Марка Эфесского, созданного им в последние дни перед кончиной (исследователи склоняются в настоящее время более к 1445 г. в качестве даты кончины св. Марка Эфесского)⁶³. Троицкая рукопись неоднократно фигурирует, как уже говорилось, в исторических исследованиях; новейшая работа, посвященная тексту ханских ярлыков, была выполнена в 2004 г. А.П. Григорьевым, который опирается на список Тр.-Серг. 177 как на основную для реконструкции первоначального уйгурского текста ярлыков⁶⁴.

Исследователи, которые обращались к сборнику, обычно изучали отдельные памятники в его составе, поэтому не было сделано наблюдение о том, что сочинения для сборника Тр.-Серг. 177 (см. выше его состав) были подобраны с определенной установкой. Подборку текстов, представленных в нем, невозможно назвать случайной, любительской или “энциклопедического” характера, а о такого рода сборниках можно составить представление по сборникам XV в., например, известного кирилло-белозерского книжника Евфросина.

Если обратить внимание на то, с какой последовательностью русские книжники XV в. приступили к исправлению текста Богословия в предыдущие два этапа (1-й этап – МДА 145, 2-й этап – Тр.-Серг. 176), как аккуратно

⁶⁰ Зимин А.А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археологический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 28–40.

⁶¹ Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.

⁶² О переводе на славянский язык этого памятника в год его создания молдавским монахом Гавриилом см.: Яцимирский А.И. Из истории славянской проповеди... С. LXV.

⁶³ См. о книжной деятельности Марка Эфесского и библиографию исследований последних десятилетий в кн.: Фонкич Б.Л. Греческие рукописи европейских собраний (Глава XIV. Markos Eugenikos als Kopist). М., 1999. С. 109–117.

⁶⁴ Григорьев А.П. Сборник... С. 73–74.

“нащупывалось” соответствие между терминологией Диалектики и Богословия, то встает вопрос о причинах такой многоэтапной работы, результат которой – Тр.-Серг. 177 – был в итоге включен в контекст весьма важных политических и юридических документов.

По мнению А.И. Плигузова, такие документы, как Окружное послание трех патриархов (или верительная грамота митрополиту кесарийскому Арсению) и Завещание Марка Эфесского, могли попасть в Москву не ранее конца 40-х годов и наиболее вероятное место их первоначального хранения – казна митрополитов Ионы (1448–1461) или Феодосия (1461–1464). Как считает исследователь, список ханских ярлыков тоже, скорее всего, был извлечен вместе с другими документами из митрополичьего архива в 50-х – первой половине 60-х годов XV в., откуда “они попали в Троицу при игуменах Мартиниане (1447–1454) или, что более вероятно, при игумене Вассиане Рыло (1455–1466)”⁶⁵.

Коллекция ярлыков была создана, по мнению большинства исследователей, в конце XIV – начале XV в. по инициативе руководства Русской православной церкви с целью отвести опасность секуляризации церковного имущества⁶⁶. (Самые ранние списки этой коллекции – троицкие: Тр.-Серг. 177, Тр.-Серг. 765, причем Тр.-Серг. 177 – древнейший.) Однако, как показал еще П.П. Соколов, 4 иммунитетных и 2 проезжих грамоты “не определяли сами по себе прав митрополита на церковных людей и церковные имущества”, поэтому выступать в качестве юридического документа в защите церковно-монастырской собственности от посягательств со стороны светских властей не могли⁶⁷. Кажется странным то, что коллекция ярлыков “оживает” вдруг в 70-х годах XV в. именно в контексте богословских и полемических сочинений: ханские ярлыки в Тр.-Серг. 177 переписаны в конвое к сочинениям Иоанна Дамаскина после Завещания Марка Эфесского и перед сочинением Михаила Синкелла “О ересьях латинских”⁶⁸. Возникает вопрос, предназначались ли ярлыки для полемики с русскими светскими властями (но при этом для каких-либо имущественных споров они не были пригодны) или же они подчеркивали древность прав и льгот русской церкви в связи, например, с внешними на них посягательствами, а именно с Унией, которая активно наступала с юго-запада и под угрозой которой уже находилась киевская митрополия? Возможно, коллекция ярлыков была необходима по замыслу составителя сборника Тр.-Серг. 177 и в пику греческой стороне, поскольку ярлыки иллюстрировали выгодные взаимоотношения русских иерархов с золотоордынскими ханами, никак не регламентируемые греческой церковной властью. Принятие Унии 1439 г. подразумевало в том числе налогообложение с переходящих под юрисдикцию римской церкви епископий.

⁶⁵ Плигузов А.И. Древнейший список... С. 576. О связи сборника ханских ярлыков с митрополичьим архивом предположил и А.А. Зимин (Краткое и пространное собрания... С. 28–40).

⁶⁶ Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 36; Зимин А.А. Краткое и пространное собрания... С. 34.

⁶⁷ Соколов П.П. Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. СПб., 1918. Кн. 5. С. 73.

⁶⁸ См. об этом памятнике в контексте антилатинской полемики в Древней Руси, обзор списков и издание в кн.: Понов А. Историко-литературный обзор полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 136–147.

Тот, кто переписал ярлыки, делал это не с целью дальнейших имущественных тяжб, а привел их лишь как историческое свидетельство подчиненности с XIII в. русской церкви по ряду пунктов высшей власти – золотоордынской, а также с целью подчеркнуть отсутствие подчинения другим администрациям, например, римской католической церкви. Ярлыков инвеститурного характера для митрополита или епископа не существовало, в то время как для князей они были обязательны, соответственно никакие другие документы, кроме жалованных грамот, подтверждающих существующий уже несколько веков в русской церкви порядок вещей (льготы храмам, монастырям, руководству), привлечены быть не могли.

Итак, ранние списки политических и юридических документов, которые не входят в круг четких памятников и не являются типовым материалом древнерусских сборников, были переписаны одним писцом одновременно с корпусом богословско-догматических сочинений Иоанна Дамаскина. Книжник, работавший над Тр.-Серг. 177 имел в своем распоряжении рукопись Тр.-Серг. 176 (а также, по-видимому, рукопись МДА 145), документы митрополичьего архива (согласно мнению Зимина и Плигузова), носящие в том числе и богословский характер (антикатолическая полемика). Этому неизвестному редактору XV в. были предоставлены “чрезвычайные” полномочия – возможность исправления текста Богословия. Как известно, никакая работа по исправлению содержания текстов не совершалась в монастырских скрипториях Древней Руси актом личной воли, а традиционно – только с благословения высших церковных чинов и со специальными целями. Если представить ту политическую ситуацию, в условиях которой создавались все сборники, содержащие сочинения Иоанна Дамаскина начиная с МДА 145 (середина XV в.), то не покажется странным всплеск интереса в этот период к богословским сочинениям, а затем и привлечение их в собрание самых злободневных и современных документов.

В начале 40-х годов на Русь возвращаются члены русской делегации Ферраро-Флорентийского собора. Подписавшие Унию, они добираются на родину разными окольными путями, опасаясь, с одной стороны, реакции русских князей и церковных иерархов, а с другой – сторонников Унии. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению об отношении в самое первое время разных княжеств к акту подписания Унии⁶⁹. В тех сочинениях русских участников собора, которые были созданы через несколько лет после описываемых ими событий, когда отношение к Унии было определено, либо содержится официальная и общепринятая к тому времени точка зрения (например, “Повесть о восьмом соборе” Симеона Суздальца, после 1447 г.), либо имеются простые описания путешествия в жанре “хожений” в Италию и обратно (анонимные “Хождение во Флоренцию” и “Заметка о Риме”, “Исхождение” Авраамия, епископа суздальского)⁷⁰. Но все русские сочинения, когда бы, в каких землях и с чьих бы позиций они не были бы созданы⁷¹, объединяет одно: как справедливо подметил Я.С. Лурье, “русские сказания, в сущности, не отражают тех дог-

⁶⁹ Ср., например, мнения Я.С. Лурье (*Лурье Я.С. Две истории Руси XV в.* СПб., 1994. С. 105–108), А.Г. Боброва (*Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в.* СПб., 2001. С. 194–217) и Б.Я. Рамма (*Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV вв.* М.;Л., 1959. С. 233–240).

⁷⁰ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980. С. 30–61.

⁷¹ См., например, “Похвальное слово Борису Александровичу”, в котором “описание собора сводится к перечислению речей иерархов, якобы восхваляющего великого князя Бориса” (*Лурье Я.С. Две истории... С. 106*).

матических споров, которые велись в Ферраре и Флоренции (О исхождении Святого Духа, о причащении, о чистилище, о папской супрематии)⁷².

Представители русского духовенства не принимали участие в богословских спорах, во всяком случае об этом нет никаких упоминаний среди многочисленных сохранившихся протоколах и записях, ведшихся латинской и греческой стороной, и не смогли адекватно изложить после этих событий ход полемики, которая велась с использованием огромного фонда святоотеческого наследия и затрагивала множество нюансов вероисповедных формулировок начиная с первых вселенских соборов. Это не значит ни в коем случае, что русские священнослужители не понимали догматических пунктов расхождения с католической церковью, но недостаточность образования и знания языков не позволили им разобраться и проанализировать аргументы обеих сторон и активно сопротивляться идеологическому и интеллектуальному давлению западной стороны (исключается из этого ряда, разумеется, митрополит Исидор, грек по происхождению и прозападник по умонастроению, которому не было необходимости участвовать в диспуте, так как а priori он был согласен с любой формулировкой Унии). Не случайно наиболее ранний русский памятник, связанный с Флорентийским собором “Хождение во Флоренцию”, “совершенно *бесстрастно* сообщает о том, что, когда “написаша грамоты събора их, како веровати в Святую Троицю, и подписа папа Еугений и царь греческий Иоанн, и вси гардиналове, и митрополиты подписаша на грамотах своею рукою... Сидор и Авраамий, владыка русский, благословился у папы на Русь, и поиде из Флоренцы на Русь...”⁷³.

Недостаток образованности и богословская несостоятельность русской делегации ныне очевидна. По-видимому, очевидной она стала и для самих участников, которые донесли в своих сочинениях восхищенное отношение к блестящему полемисту, эрудиту, самому твердому в своих убеждениях представителю православной стороны – Марку, епископу Эфесскому. О нем пишет в своей “Повести” Симеон Суздалец, Пахомий Логофет в третьей редакции Жития Сергия Радонежского, подробное описание деятельности св. Марка на соборе читается в Московском великокняжеском своде 1479 г.⁷⁴, т.е. в то время, когда создавалась Троицкая рукопись 177, в которую вошло Завещание (или Исповедание веры) Марка Эфесского, личность этого греческого богослова уже привлекла к себе пристальное внимание на Руси и была покрыта славой. Возможно, что его предсмертное завещание потому и попало на Русь, что его мнением и дальнейшей после Унии судьбой здесь особенно интересовались. Более того, хорошо известно отношение отцов Святой Горы к Марку Эфесскому, который получал их всяческое содействие и поддержку в годы изгнаний и противостояния Константинопольской проуниатской политики, списки его сочинений копировались в афонских монастырях, его, единственного не поставившего подпись под определением собора 1439 г. даже под угрозой расправы, воспринимали как страдальца за веру⁷⁵.

⁷² Там же. С. 105.

⁷³ Цит. по: Там же. С. 106.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 253–256.

⁷⁵ Митрополит русский Исидор требовал у католической стороны принять меры против непокорства епископа Эфесского, а именно отлучить его от церкви, в адрес св. Марка поступали и угрозы физической расправы (*Остроумов И.* История Флорентийского собора. М., 1847. С. 149). Именно на Афоне мечтал окончить свой земной путь Марк Эфесский, им

Как было показано в данной работе, правка Богословия в 50–70-е годы XV в. имеет некоторую связь с текстом полного афонского перевода этого памятника, а также отражает хорошее знакомство книжников с новыми южнославянскими и афонскими редакциями и переводами. Через афонское посредничество, скорее всего, попали в митрополичий архив, а затем в Тр.-Серг. 177 Завещание св. Марка, и, вполне вероятно, что под влиянием афонских книжников началась правка и сверка на Руси догматических сочинений. Во время прений во Флоренции Богословие Иоанна Дамаскина было очень востребованным сочинением, его текст неоднократно использовала греческая сторона, например, при обсуждении догмата об исхождении Св. Духа⁷⁶. На протяжении первой половины 40-х годов XV в. в Москве побывали две делегации с Афона⁷⁷, а также, по предположению Е.М. Ломизе, Арсений Кесарийский, которому и предназначалась верительная грамота (Окружное послание) трех патриархов 1443 г.⁷⁸, т.е. обмен документами, новостями, а соответственно и афонское влияние могло быть в этот тревожный период очень интенсивными.

В марте 1441 г. в Москву прибывает русский митрополит Исидор, наиболее ревностный сторонник Унии, возведенный папой римским в сан кардинала. Вскоре по приказу великого князя Василия II он был взят под стражу и отправлен в Чудов монастырь, откуда бежал в Рим через Тверь и Литву. Русская митрополия вдовствует, и этому не предвидится конца, так как на константинопольском патриаршем престоле – “униатский” схизматик, ставленников которого русская церковь игнорирует. Начинается долгий период выжидательной политики⁷⁹. Собор русских архиереев 1448 г. избирает митрополитом Киевским и всея Руси епископа Рязанского Иону, все правление которого проходит в доказательствах легитимности собственного избрания. Ионе отказывают в признании литовский великий князь Казимир и западно-русские иерархи. Единая русская митрополия раскалывается: в Московском княжестве находится митрополит всея Руси Иона, а в Литве – назначенный патриархом Константинопольским митрополит Киевский и всея Руси Григорий⁸⁰. В 1453 г. турецкими войсками был взят Константинополь, русская митрополия оказывается единственной в мире независимой от “неверных” православной церковью и встает перед множеством проблем, одна из которых – сохранение этой веры, т.е. ее догматов и обрядов. Именно в это время, как было показано выше, оказываются востребованными труды великого византийского писателя, заложившего основы систематизации христианского теологического знания, и прежде всего возрастает необходимость в единст-

написано послание настоятелю Ватопедского монастыря (*Амвросий, арх (Погодин)*). Св. Марк Эфесский и Флорентийская уния. 1994. С. 352–353).

⁷⁶ *Амвросий, арх. (Погодин)*. Св. Марк Эфесский... С. 210–211.

⁷⁷ *Маджеска Дж.* Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // *Архив русской истории*. Вып. 4. М., 1994. С. 27–50.

⁷⁸ *Ломизе Е.М.* Письменные источники сведений... С. 79–81.

⁷⁹ *Мейендорф И.Ф.* Флорентийский собор: причины политической неудачи // *ВВ*. 1991. Т. 52. С. 84–111.

⁸⁰ Подробно об установлении автокефалии русской церкви и анализ сопутствующих этому событию церковных и политических процессов см.: *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установлении автокефалии русской церкви. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2002. О политической ситуации 1440-х–1470-х годов см.: *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции XV–XVI вв. М., 1998. С. 58–117.

венном на Руси учебнике догматического богословия – “Точном изложении православной веры”.

В распоряжении русских книжников, которым предстояло оспаривать подписанные на соборе догматы католической церкви и доказывать истинность православной веры, не было готового и четкого богословского терминологического аппарата, необходимость в котором возрастала в условиях посягательств на целостность митрополии “всея Руси” и воинственного наступления идей Унии на православных землях. Единственной систематической догматической базой, как и прежде, оставался перевод Богословия, выполненный Иоанном экзархом в IX в. Но его текст в результате многовекового бытования накопил большое количество ошибок и описок, кроме того, язык памятника существенно устарел, его богословская терминология и библейские цитаты не соответствовали современным и ежедневно используемым, например, на богослужении.

Для исправления ситуации и приведения в готовность догматической базы был предпринят первый этап редактирования текста, он отражен в списке Богословия МДА 145, который, по-видимому, следует датировать 1450-ми годами. Вскоре после создания этой редакции был сделан второй шаг – подготовка сборника сочинений Иоанна Дамаскина (Тр.-Серг. 176), в котором Богословие, как это и было задумано автором, предваряется Диалектикой, содержащей строгое логическое объяснение богословских терминов. Впервые была сделана попытка привести в соответствие терминологию этих двух трактатов, переведенных в разные эпохи, – в IX в. и XIV в. Этот этап датируется 1460-ми годами, а следующий относится к началу 1470-х годов, – именно так большинство исследователей датируют создание основного блока в Тр.-Серг. 177, содержащего сочинения Иоанна Дамаскина, а также политические и юридические документы из архива митрополичьей кафедры. Совмещение тех и других текстов в одной подборке неслучайно. На наш взгляд, русские книжники в очень сложный для русской церкви политический момент, когда весь мир разделился на сторонников и противников Флорентийской унии, а русская митрополия была “официально” объявлена буллой папы Каллиста III разделенной на верхнюю и нижнюю, московскую и киевскую, поставила себе целью, создавая сборник Тр.-Серг. 177, собрать доказательства по трем пунктам: 1) доказательства истинности православной веры (сочинения Иоанна Дамаскина); 2) доказательства незаконности Унии и непризнание ее решений православной церковью (Окружное послание трех патриархов 1443 г. и Завещание Марка Эфесского 1445 г.); 3) историческое свидетельство о древности и законности прав и льгот русских митрополитов (сборник ханских ярлыков). По-видимому, эта работа началась и была продолжена по инициативе московских митрополитов, только в их архивы, по мнению всех исследователей, могли поступить подобные документы.

Время создания привлеченных к исследованию сборников МДА 145, Тр.-Серг. 176, Тр.-Серг. 177–1450–1470-е годы – можно назвать временем богословской активности русских книжников. От механического копирования текста Богословия, о котором можно судить по качеству дошедших до нас дефектных списков Богословия XV в., русские книжники перешли к активной рецензии святоотеческого наследия. То, что все три сборника были созданы последовательно друг за другом, содержат следы бытования

в Троице-Сергиевой лавре и сохранились в составе библиотеки монастыря⁸¹, позволяет достаточно уверенно говорить, что они были созданы книжниками именно этой обители. Очевидно, что это были книжники-специалисты, новаторы, так как помимо исправления текста Богословия, они, по справедливости оценив наследие Иоанна Дамаскина как главную идеологическую, догматическую базу православной церкви, создали такие сборники его трудов, которые станут на Руси главным источником теологического знания вплоть до XVIII в. Побуждающим моментом, на наш взгляд, в освоении наследия Иоанна Дамаскина явилась Флорентийская уния, решениям которой русской церкви предстояло грамотно противостоять. И не случайно “дамаскинский” блок кодекса Тр.-Серг. 177 заканчивается в качестве основного вывода сочинением Михаила Синкелла “О ересьях латинских”, традиционно используемом в полемике с католической церковью.

⁸¹ На л. 1 Тр.-Серг. 176 сделана запись скорописью: “Иже въ Маковце радонежскомъ Живоначалныя Троица Сергиева монастыря”; на первых листах Тр.-Серг. 177 скрепой запись XVI в.: “Сию книгу далъ келарь старецъ Андреянъ Ангеловъ въ домъ къ Богоявлению Сергиева монастыря по Семене по Феодоровиче по Киселеве, по его приказу” (старец Семен Киселев, Муромец, скончался в 1560 г., см.: *Иларий, иером., Арсений, иером.* Описание... С. 159–160).